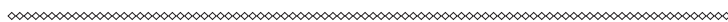

КОРОЛЬ ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Эдуард I:
как ковалась Британия

МАРК МОРРИС

Карьера Пресс

Страны не рождаются на небесах — их создают
и перекраивают людское хитроумие и удача здесь, на земле.

Р. Р. Девис. Первая Английская империя (2000)

Когда б Фортуна колесо остановила,
он овладел бы целым миром так же скоро, как и Александр.

Об Эдуарде из «Песни Льюиса» (1264)

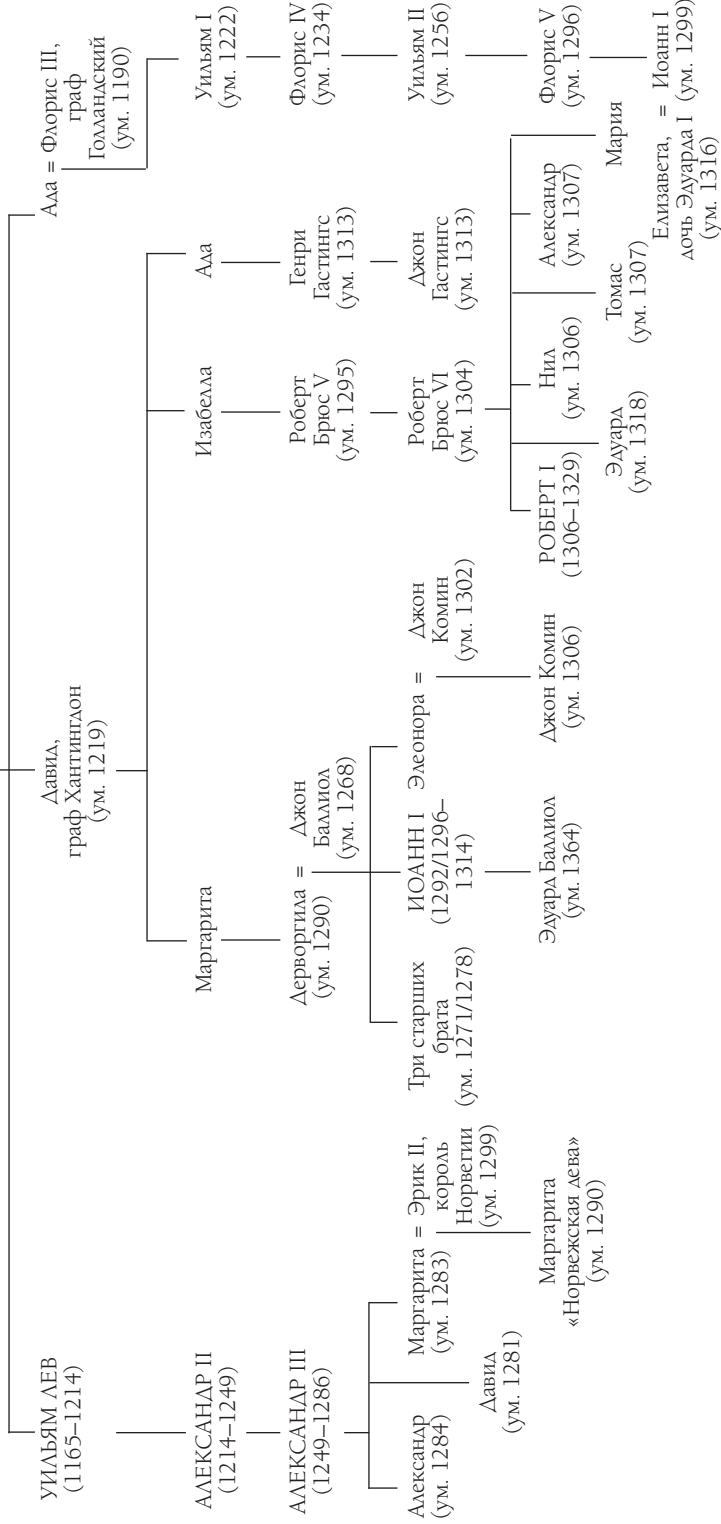
Содержание

<i>Иллюстрации</i>	viii
<i>Родословное древо</i>	ix-xi
<i>Предисловие</i>	xiii
1. Во имя святого	1
2. Семейная распря	37
3. Гражданский мир и святая война	85
4. Возвращение короля	125
5. Непокорный принц	158
6. Корона Артура	192
7. Миротворчество	234
8. Великая тяжба	278
9. Борьба за господство	317
10. Объединяя королевство?	365
11. Долгое возмездие	419
12. Король великий и ужасный	441
<i>Сокращения</i>	461
<i>Примечания</i>	464
<i>Библиография</i>	502
<i>Указатель</i>	514

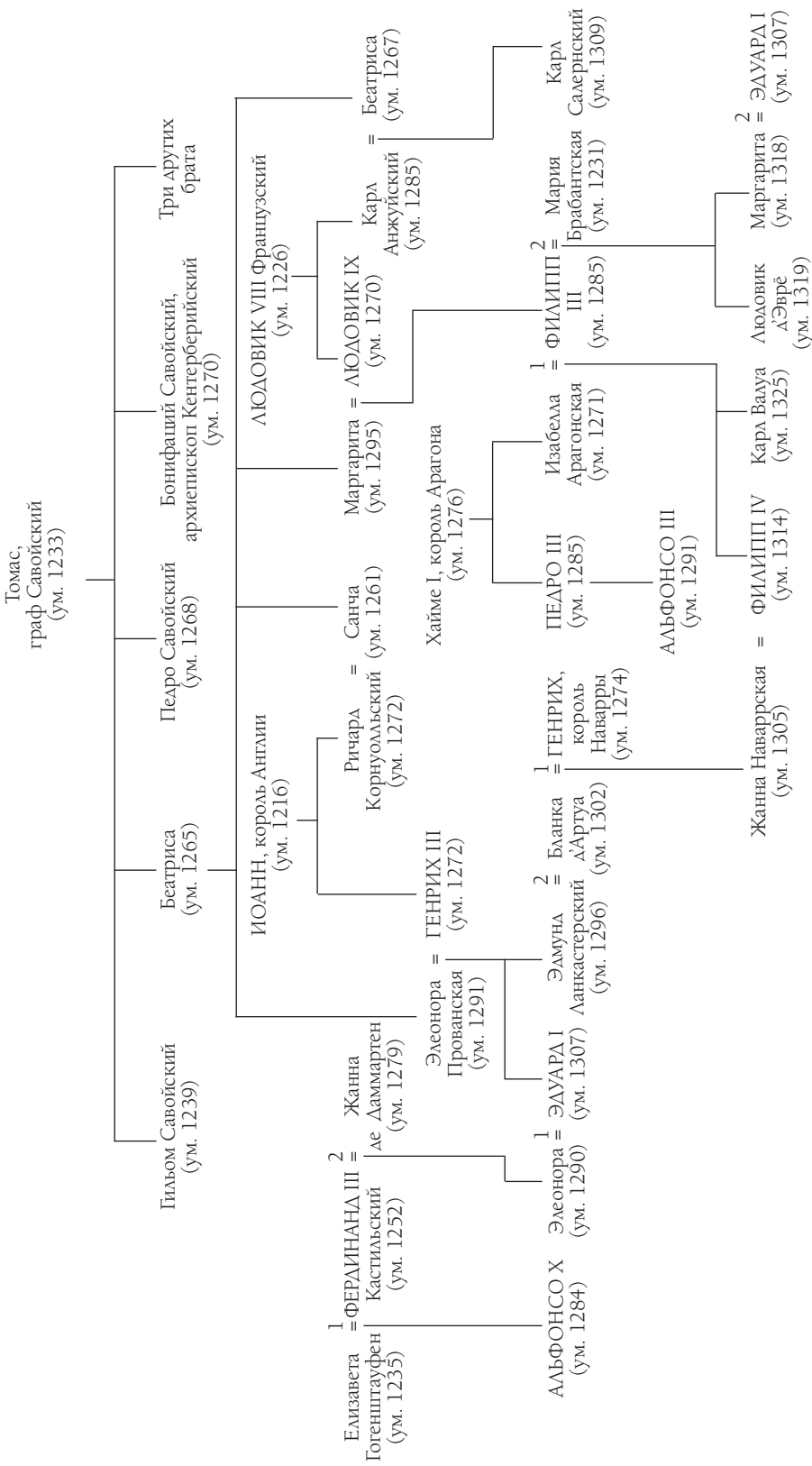
ШОТЛАНДИЯ

ДАВИД I
(1124–1153)

Генрих,
граф Нортумберленд и Хантинглон
(ум. 1152)

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ НА КОНТИНЕНТЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Едва мои далекие от истории друзья и соседи узнавали, что я пишу книгу об Эдуарде I, практически неизменно раздавалось два вопроса. Первый и самый частый звучал так: «Это же он Эдуард Исповедник?» Нет, неизменно отвечал я, это не он — но назван был именно в его честь. Зачастую это приводило лишь к еще большему недоумению: если моего героя назвали в честь одного из его предков, как тогда он мог стать Первым? Ответом же было, что он, конечно, не мог и, строго говоря, даже не был. Для тех, кто хотел бы досконально разобраться в истоках этой запутанной ситуации, я добавил в конец настоящего предисловия краткое объяснение.

Второй же вопрос, который мне задавали, касался природы источников, необходимых для создания биографии средневекового короля, и, в частности, их количества. В основном люди полагают, что таких источников не особо-то и много, так что мне приходится дни напролет обшаривать архивные хранилища замков в поисках доселе неизвестных обрывков пергамента. К сожалению, они ошибаются. Когда у меня интересуются объемом имеющихся источников, я обычно отвечаю так: чтобы просмотреть все, не хватит и целой жизни. С начала XII века английские короли стали вести письменный учет своих ежегодных расходов, а к его концу фиксировали уже практически все аспекты своего правления. При появлении каждого королевского документа — будь то Великая хартия или рутинный приказ — его скрупулезно копировали на большой пергаментный свиток. Тем временем в регионах королевские судьи вели такие же свитки, в деталях записывая слушания по рассматриваемым делам. Каким-то чудом все эти документы большей частью сохранились и ныне находятся в Национальном архиве в Кью близ Лондона. В развернутом виде длина некоторых из таких свитков достигает шести, а то и девяти метров. А число им — легион: не один десяток тысяч за одно только XIII столетие. На счастье историка-ме-

диевиста, самые важные из них уже переведены и опубликованы, но даже одних только этих томов хватит, чтобы заполнить все полки вдоль стен средних размеров гостиной. А ведь есть еще и материалы, не касающиеся собственно короля. В дни Эдуарда I, помимо монарха, собственные записи вели и другие. Дворяне также занимались учетом своих расходов, издавали указы и писали письма — то же самое делали и монахи (причем шансы на то, что их записи сохранятся до наших дней, были даже выше в силу принадлежности авторов к единой институции). Кроме того, монахи продолжали делать то, что делали всегда, — вели хроники, которые также надолго способны занять историка. В качестве наиболее очевидного примера вспомню монаха Матвея Парижского из Сент-Олбанса, оригинальные части хроники которого охватывают четверть столетия с 1234 по 1259 год. Современное издание этого памятника насчитывает семь томов.

Говорю все это лишь затем, чтобы продемонстрировать, как много можно узнать про наших средневековых предков, и дабы нена роком не создать впечатления, что покори л эту гору исключительно собственными силами. Большой частью мне и вовсе не приходилось к ней подходить, поскольку моя книга написана на основании научных исследований других людей. Однако даже массив вторичных источников для изучения Эдуарда I может показаться устрашающим. По самым скромным оценкам, за последнюю сотню лет было опубликовано больше тысячи книг и статей, освещающих те или иные аспекты его царствования. Если же добавить сюда исследования, посвященные XIII веку в целом, то общее число трудов умножится многократно.

К этому моменту у тех, кто расспрашивал меня про создание книги (если, конечно, они еще вообще меня слушали), назревал и третий вопрос, задать который, впрочем, им мешала вежливость. И вопросом этим, думаю, было: «Зачем тогда все это?». К чему тратить огромную часть собственной жизни на пересмотр дел человека, умершего семь столетий назад? Ответ же, который, как я надеюсь, ясно даст готовая книга, в том важнейшем значении, которое имело правление Эдуарда I. Я ведь не просто так избрал для подзаголовка слова «как ковалась Британия». Это был один из важнейших отрезков всей британской истории, в ходе которого решались судьбы Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии. И он же стал одним из самых

Предисловие

драматичных. Эдуард собирал самые большие армии и парламенты в средневековой истории Британии, он выстроил мощную цепь замков в Европе, изгнал евреев, завоевал валлийцев и едва не преуспел в том же с шотландцами. Ныне мы нередко слышим, как важно глубже ощущать, что это значит — быть британцем. Надеюсь, моя книга окажется хотя бы немного полезна в этом отношении.

Естественно, это не первая попытка приступить к теме (и, предскажу, не последняя). В XX веке правление Эдуарда I всесторонне изучали два выдающихся историка-медиевиста, Морис Поуик и Майкл Прествич. Примечания в конце этой книги наглядно свидетельствуют, что я в большом долгу перед обоими. В те несколько лет, что ушли у меня на исследование и написание книги, я постоянно, раз за разом, обращался к их работам, неизменно поражаясь блестящим выводам из первоисточников, до которых сам бы никогда не дошел. И даже когда при обращении к первоисточникам я приходил к иным заключениям, эти работы всегда давали мне бесценную отправную точку. Основное отличие моего исследования от работ Прествича и Поуика заключается в его структуре. Оба историка избрали тематический подход, посвятив отдельные главы законотворчеству Эдуарда, его дипломатии и так далее. Я же предпочел хронологический принцип, что позволит последующим страницам претендовать на некоторую оригинальность. Никто еще со времен предвоенных лет в начале столетия, а значит, с момента возникновения медиевистики как современной академической дисциплины, не пробовал рассказать всю историю Эдуарда с начала до конца. Конечно же, у такого хронологического подхода есть определенные недостатки. Некоторые мои читатели из академических сфер могут оказаться разочарованы скудостью сведений о статутах Эдуарда или об его изысканиях в вопросах управления государством. На это у меня есть лишь одно оправдание: было бы весьма непросто включить такие темы в и без того сложное повествование без риска безнадёжно его застопорить; тем более что темы эти уже прекрасно освещены. Я также нахожу утешение в результатах недавнего исследования, согласно которому «английский Юстиниан», вероятно, вовсе не участвовал в создании принимавшихся его именем законов и, скорее всего, не питал к ним особого интереса. Если же говорить о хорошем, задача выстроить события жизни Эдуарда в должном порядке

заставила меня подвергать сомнению устоявшиеся представления куда чаще, чем я рассчитывал. Надеюсь, что предлагаемые мною новые интерпретации покажутся другим медиевистам убедительными или хотя бы подталкивающими к дальнейшим размышлениям.

Упоминание других медиевистов приводит нас к длинному списку тех, кому я хочу выразить благодарность: как уже было сказано, настоящая книга в значительной степени опирается на предыдущие исследования. Глава восьмая, например, во многом основывается на недавней работе Арчи Дункана, который любезно выслал мне черновики со своими размышлениями о пребывании Эдуарда в Норхеме, а также предоставил перевод тех мест из Вальтера Гвизборо, которые относятся к событиям в Шотландии. Пол Брэнд и Генри Саммерсон проявили не меньшую любезность, позволив мне ознакомиться с их еще не опубликованными статьями. Хью Риджуэй и Боб Стейси помогли своими ответами на мои электронные письма с просьбой прояснить определенные аспекты правления Генриха III, а Дэвид Д'Аврей и Джордж Гарнетт терпеливо отвечали на телефонные звонки и расспросы о тайнах английской коронации. Такую же помощь в той или иной форме я получил от Джереми Эшби, Пола Бински, Роберта Бартлетта, Никола Колдстрим, Бет Хартленд, Джесс Нельсон, Майкла Прествича, Джона Прайора, Мэттью Рива, Робина Стадда, Марка Вона и Фионы Уотсон. Были и те, кто предоставил мне полезные критические отзывы и оказал моральную поддержку, — в частности, я хотел бы поблагодарить Адриана Джобсона, Майкла Рэя и Эндрю Спенсера, а также Ричарда Хаскрофта, который, кроме того, порадовал меня экскурсией по захоронениям Вестминстерского аббатства. При следующем визите туда меня тепло встретил Ричард Мортимер, а Джейн Спунер и Крис Гидлоу с коллегами оказали такое же гостеприимство в лондонском Тауэре. Особо хотелось бы поблагодарить Гилема Пепина за существенную помощь с картой Гаскони и Филиппа Дуфу за аэросъемку Монпазье. Я также должен сказать спасибо Джиллиан Сатти за ее гостеприимство во время моей поездки по Шотландии и Марку Слейтеру с Джо Топпинг, любезно принявшим меня в своем французском доме, так удобно расположенном неподалеку от бастид Эдуарда. Мартин Аллен из Музея Фицуильяма в Кембридже в последний момент помог мне

Предисловие

разобраться с монетами, а Джефф Коттенден сделал прямо-таки великолепную фотографию для обложки. Мой достопочтенный агент, Джулиан Александр, с самого начала всецело верил в проект, и он же привел меня в *Hutchinson*, где за мной заботливо приглядывали редактор Тони Уиттоум со своим коллегой Джеймсом Найтингейлом — как и прочие сотрудники *Random House*.

Самый же большой долг благодарности я, как обычно, оставляю на конец. Я должен поблагодарить моих прежних руководителей в Лондоне и Оксфорде, Дэвида Карпентера и Джона Мэддикотта, за их бесценные советы и поддержку. Помимо обмена электронными письмами и звонками во время моих поездок, оба прочитали книгу в черновике, сделали много полезных замечаний и избавили меня от бесчисленных ошибок. Такую же благодарность адресую моему партнеру, Кэтрин, которая, пожалуй, за последние годы настрадалась из-за Эдуарда I больше, чем кто-либо еще. Она не только прочитала каждое слово в рукописи, но и стоически переносила вторжение Эдуарда I практически в любую нашу беседу, а также без единой жалобы подчинилась его диктату в выборе мест для поездок на выходные в течение последних трех лет. Надеюсь, по крайней мере, что хотя бы некоторые из них доставили ей удовольствие, и обещаю, что местом действия следующей моей книги будет Нью-Йорк, Япония или Австралия.

И все же свое последнее спасибо я приберегу для Риса Дэвиса. Приехав десять лет назад в Оксфорд, чтобы взяться за докторскую, я очень мало знал об истории английского Средневековья и еще меньше — об истории Уэльса, Ирландии и Шотландии. Именно благодаря урокам и работам Риса этот перекос оказался исправлен. Он никогда не был моим учителем в строгом смысле слова, но на протяжении всей учебы в Оксфорде неизменно поддерживал меня и давал советы, без которых я никогда не написал бы докторскую.

И хотя сам Рис едва ли сказал бы об Эдуарде и пару положительных слов, он поддержал мое намерение создать книгу об этом короле и неизменно ободрял меня на ранних этапах работы. В интеллектуальном плане сей продукт обязан своим существованием Рису более, чем кому бы то ни было, и, если моя книга сможет побудить кого-то отыскать его работы, чтобы лично ознакомиться с ними, уже одно создание такой приманки вполне оправдывает все мои труды.

Эдуард I или Эдуард IV?

До воцарения короля, известного нам как Эдуард I, Англией правили несколько других с таким же именем — вот только по меркам XIII века жили они очень и очень давно. Ко времени восшествия Эдуарда на престол в 1272 году даже его ближний царственный тезка, Эдуард Исповедник, покоился в гробу вот уже более двух столетий. В XIII веке его хорошо помнили, поскольку он стал святым покровителем английской королевской семьи. Память же о других королях Эдуардах сохранялась весьма смутная. Как пример: ближе к концу правления Эдуарда I некоторые его подданные захотели задокументировать выдающиеся деяния монарха и решили, что его следует отличить от других, присвоив свой собственный порядковый номер. К сожалению, они ошиблись, включив в свои расчеты Исповедника (который правил с 1042 по 1066 год) и знаменитого короля X столетия, Эдуарда Старшего (899–924), но совершенно упустив из внимания краткое и незначительное царствование Эдуарда Мученика (975–978). Именно поэтому как минимум двое хронистов XIII столетия называли Эдуарда I Эдуардом III — хотя, если бы не эта ошибка, его следовало величать Эдуардом IV.

К счастью для нас, эти первые и неточные попытки присвоения порядковых чисел не прижились. Желая выделить Эдуарда из череды остальных, современники короля чаще всего говорили: «Король Эдуард, сын короля Генриха». Необходимость же в порядковых числах появилась только после смерти монарха, когда его преемниками стали сначала сын, а потом и внук, оба носившие то же прославленное имя. К середине XIV века англичанам пришлось различать сразу трех последовательно правивших королей с одинаковым именем — неудивительно, что их стали обозначать как Первый, Второй и Третий. Любой же тревожимый воспоминаниями о том, что некогда жили-были и другие короли по имени Эдуард, может легко облегчить муки своей исторической совести, добавив «до Завоевания». Так Нормандское завоевание стало официальной отправной точкой в деле нумерации английских королей. Однако сама по себе точка эта понадобилась лишь из-за своеобразного решения Генриха II воскресить имя давно почившего англосаксонского святого королевских кровей и присвоить его своему старшему сыну.

Предисловие

Касательно денег

Всем читателям, родившимся, как и я, уже после перехода английской валюты на десятичную систему, стоит напомнить, что до этого серебро измеряли в фунтах, шиллингах и пенсах. Двадцать пенсов составляли шиллинг, а двадцать шиллингов — фунт. Так было и до 1971 года, и в XIII столетии, хотя со времен Средневековья пенсы проделали немалый путь. В дни Эдуарда I неквалифицированный работник мог заработать один-два пенса за день работы, а вот искусный ремесленник — вдвое больше. Человек, приносивший домой 20 фунтов в год, считался весьма состоятельным, и годовой доход даже самых выдающихся членов английского общества — графов — редко превышал 5000 фунтов. Лишь доходы самого Эдуарда по обычным королевским статьям составляли пятизначную цифру — около 27 000 фунтов, уходивших на обеспечение его личного — а значит, и всего королевства в целом — обихода. Хотя строительство замка Карнарвон, на которое ушла приблизительно такая же сумма, так и не было завершено. Единственной имевшей широкое хождение монетой был серебряный пенс, так что фунт представлял собой весьма увесистый мешок, и даже такая, казалось бы, скромная сумма, как пять фунтов, состояла из 1200 серебряных пенсов. Еще одной единицей для подсчета денег была марка, эквивалентная 160 пенсам, или двум третям фунта.

Англия

Северное море

ВО ИМЯ СВЯТОГО

Эта история начинается в 1239 году с девушки по имени Элеонора. Она живет в Англии, мирном и процветающем королевстве примерно тех же размеров, что и ныне. Однако сама Элеонора не англичанка. Она родилась и выросла в Провансе, независимом государстве, что располагалось на юге современной Франции. В Англии же с 1239 года Элеонора живет потому, что три с половиной года назад вышла замуж за Генриха III, короля Англии. Генриху на момент свадьбы было двадцать восемь лет, Элеоноре — двенадцать.

Сейчас ей уже почти шестнадцать, и, как сообщают нам источники, она обаятельна, изящна, элегантна и славится красотой. Генрих горячо любит ее — и взаимно, — но Элеоноре еще лишь предстоит завоевать сердца его подданных. Англичане XIII века не были готовы принимать иностранцев с той же легкостью, что мы сегодня. И нашим свидетелем тому будет монах из Сент-Олбанса по имени Матвей Парижский, известный не только как ярый ксенофоб, но и как один из самых плодовитых, многословных и обожающих сплетни хронистов всего Средневековья. Наблюдая за последствиями прибытия в Англию Элеоноры, брат Матвей и его современники видели именно то, чего больше всего боялись, — приток иностранцев, которые окружали короля, отгораживая его от своих «настоящих» подданных и осыпая дурными, как считали англичане, советами. Иностранцы растаскивают королевство на куски, говорил Матвей, а «пребывающий под влиянием жены» Генрих им в этом потакает.

В вину Элеоноре, очевидно, ставили и то, что за прошедшие после свадьбы три года она не родила ребенка. «Страшились, что коро-

лева бесплодна», — пишет Матвей Парижский с сочувствием профессионального целибата. Но и это обвинение, учитывая нежные года Элеоноры, было нелепым. Гораздо вероятнее, что Генрих III, человек добрый и разумный, прибегнул к добровольному воздержанию. Двенадцать лет были минимальным женским возрастом, в котором средневековая церковь допускала замужество, и сразу после свадьбы у Генриха с Элеонорой секс наверняка был, но прежде всего по причинам политическим, дабы подтвердить крепость и нерушимость их союза. Здравый смысл и сочувствие же подсказывали, что двенадцать — слишком юный возраст для регулярного исполнения супружеских обязанностей, чреватых риском ранней беременности.

К тому времени, однако, когда Матвей Парижский записал эти строки, Элеоноре было уже пятнадцать, а Генриху — тридцать один, и они определенно спали в одной постели. Мы знаем это, так как 9 сентября 1238 года посреди ночи в спальню Генриха ворвался безумец с ножом, намереваясь убить короля. Но ничего не вышло, поскольку, как сообщает нам Матвей Парижский, Генриха в спальне не оказалась. К счастью, он в этот момент был у королевы.

И вот теперь, спустя девять с лишним месяцев после той страшной ночи, королева готовится посрамить всех, кто обвинял ее, и заставить сплетников закрыть свои рты. На дворе июнь 1239 года, осталось несколько дней до летнего солнцестояния, и Элеонора пребывает в Вестминстерском дворце Генриха на берегу Темзы — там, где сейчас стоит здание Парламента. Тут-то, в ночь с 17 на 18 июня, в освещенной фонарями и свечами комнате, она рождает свое первое дитя. Роды проходят успешно, ребенок здоров, но что самое главное — это мальчик. Элеонора успешно выполнила свою главную задачу в роли королевы, подарив Генриху и Англии наследника престола¹.

В Вестминстерском дворце незамедлительно начались празднества. По распоряжению Генриха придворные певчие исполнили торжественный гимн *Christus Vincit, Christus Regnat, Christus Imperat* («Христос побеждает, Христос царствует, Христос повелевает»), а гонцы поскакали во все концы королевства с доброй вестью. Жители ближнего Лондона, которых в черте городских стен насчитывалось около пятидесяти тысяч, плясали на улицах с фонарями, барабанами

и бубнами. Вскоре вернулись и королевские гонцы с драгоценными дарами от виднейших подданных его величества. Однако некоторые из даров Генрих, видимо, счел недостаточно дорогими и отправил гонцов обратно за новыми. Согласно Матвею Парижскому, кто-то из придворных острословов отозвался на это так: «Господь даровал нам это дитя, а король взялся нам его продавать!» Сам же Матвей, предпочтя тон более серьезный, отметил, что неблагодарность Генриха «заметно омрачила его величие», и при всей своей незначительности данный эпизод действительно добавляет некоторые штрихи к портрету короля. Генрих, как отмечали другие его современники, был *vir simplex*, что можно перевести как «простака» или, что куда как точнее, «простофиля». Подобные нелепые поступки он повторял раз за разом. Вручи судьба ему шелковый кошель, Генрих наверняка умудрился бы превратить тот в свиное ухо².

Однако гораздо больше о личности короля говорит имя, выбранное им для новорожденного сына. Будучи королем Англии, по крови и культуре Генрих оставался французом. Он и его родня были прямыми потомками Вильгельма Завоевателя, нормандского герцога, севшего на английский трон примерно за 170 лет до описываемых событий. Точно так же и все самые высокопоставленные подданные Генриха вели свой род от нормандских соратников Завоевателя. Между собой они общались на французском (или же на слегка англизированной нормандской его разновидности) и детям своим при крещении также давали французские имена. Так, по очевидным причинам популярностью пользовалось имя Вильгельм (Гийом) — как, впрочем, и Ричард (Рикар), которое заставляло вспомнить знаменитого дядю Генриха, Ричарда Львиное Сердце. Да и имя Генрих (Анри) считалось вполне почтенным и распространенным. Пускай сам Генрих III звезд с неба не хватал, но оба его предка-тезки были вполне достойными памяти и подражания грозными и славными королями-воинами.

И тем не менее все эти имена Генрих отринул. Он не желал быть родителем завоевателя или крестоносца. По вине отца, печально известного короля Иоанна, он рос в обстановке распрей и неопреде-

* См. старинную английскую поговорку: «Из свиного уха шелкового кошеля не стачаешь». — *Здесь и далее подстрочные примечания переводчика.*

ленности. Иоанн умер в разгар развязанной им самой гражданской войны, оставив сыну опустошенное и разобщенное королевство. Больше всего на свете Генрих жаждал для себя и своих подданных мира, гармонии и постоянства. Именно это стремление отразилось в его решении назвать сына Эдуардом.

Для 1239 года имя Эдуард было исключительно немодным. Ни один король или дворянин не носил его со времен Нормандского завоевания, так как имя это принадлежало побежденной стороне. Эдуард было именем староанглийским и после 1066 года звучало для нормандского уха столь же нелепо и диковинно, как староанглийские имена Эгберт, Этельред или Эгфрит для нас сегодня. Назвать так мальчика после Нормандского завоевания означало обречь его на неизбежные насмешки со стороны товарищей — Генрихов, Вильгельмов и Ричардов.

Однако у Генриха была серьезная причина одарить своего первенца столь немодным именем. После смерти отца Генриха его мать, Изабелла Ангулемская, уехала из Англии на родину, во Францию, повторно вышла замуж и уже не вернулась. Практически осиротев в девять лет, юный король стал искать замену фигуре отца среди старших мужчин, помогавших ему править королевством. Однако, в конце концов разочаровавшись и в них, к 1234 году Генрих вновь почувствовал себя в полном одиночестве. Именно тогда король нашел себе нового наставника, который был совершенно не способен подвести — в основном потому, что вот уже почти двести лет как был мертв.

Новым покровителем Генриха стал Эдуард Исповедник, предпоследний король англосаксонского государства. Его, как и Генриха, нельзя было назвать успешным правителем — смерть Эдуарда в 1066 году вызвала кризис престолонаследия, который и привел к случившемуся спустя девять месяцев Нормандскому завоеванию. И тем не менее почившего короля вспоминали как человека в высшей степени добродетельного — причем настолько, что спустя сто лет после смерти его официально признали святым. А вслед за тем и время его правления стало восприниматься как золотой век: люди с великим почтением говорили о добродетелях короля и его справедливых законах (хотя на самом деле Эдуард не принял ни одного). Естественно, не снискавший славы воина Эдуард был весьма

сомнительным образцом для унаследовавшей Англию династии королей-завоевателей. Однако же для такого полностью лишенного талантов военачальника человека, как Генрих III, Исповедник стал идеальным образцом для подражания. Были в этих двух судьбах и другие совпадения, что наверняка показалось Генриху знаменательным. Эдуард в юности потерял отца и был оставлен матерью, вырос среди войн с мечтой о мире, оказался предан вероломными приближенными. Но прежде всего Эдуард, как и сам Генрих, славился своей набожностью. Именно Эдуард распорядился выстроить королевский дворец в Вестминстере, чтобы быть поближе к великому аббатству (минстеру), за перестройкой которого он провел последние годы своей жизни. Впоследствии он был похоронен в церкви этого аббатства, а его гробница стала местом поклонения паломников. Свидетельством величайшей любви Генриха к Исповеднику и его почитания стали колоссальные суммы, которые король начал тратить с 1245 года на повторную перестройку аббатства, в результате которой старые романские здания сменились высящимися поныне готическими.

Потому-то никого и не удивило, что Генрих решил назвать сына в честь своего кумира Эдуардом. Скорее всего, не было совпадением и то, что мальчик родился именно в Вестминстере. Генрих много времени проводил в здешнем дворце — отчасти чтобы быть поближе к аббатству, а также и потому, что в Вестминстере сходились немало нитей королевской власти. Однако у короля имелось множество других дворцов и замков по всей Англии, которые он был обязан посещать, дабы должным образом управлять страной. Похоже, Генрих специально спланировал все так, чтобы к родам оказаться с Элеонорой именно в Вестминстере, как можно ближе к гробнице Исповедника. Рождение ребенка в Вестминстере означало, что и крещен он будет тут же. Спустя несколько дней после появления на свет младенец стал первым королем Англии, принявшим крещение в аббатстве в окружении множества епископов и вельмож с дамами, не меньше дюжины из которых стали его крестными родителями. Генрих явно стремился с первых же дней жизни окружить сына любовью и заботой, которых в собственном детстве был лишен³.

В силу духовного и административного значения Вестминстер представлял собой весьма суетное место, совсем не подходящее для того, чтобы растить здесь детей. Спустя несколько недель после рождения Эдуарда двор покинул Вестминстер и отправился за 80 километров (32 по прямой) вверх по Темзе, в Виндзорский королевский замок⁴. Генрих с Элеонорой хотели, чтобы их сын рос именно здесь, в сельской тиши графства Беркшир. Сразу после своей свадьбы в 1236 году Генрих начал масштабную перестройку возведенной еще Вильгельмом Завоевателем древней крепости в соответствии с последними требованиями роскоши и собственными взыскательными вкусами. Уже были сооружены новые покои для королевы, а спустя несколько недель после рождения Эдуарда начались работы над отведенным для него соседним помещением. Впоследствии Генрих выстроил в Виндзоре целое крыло для себя с Элеонорой, в котором, помимо прочего, была и огромная церковь. На все это король потратил много больше десяти тысяч фунтов — сумму, которой хватило бы на возведение с нуля нового замка.

Сейчас от этих построек практически ничего не осталось — и все же отдельные сохранившиеся фрагменты (например, церковные двери) и подробные распоряжения Генриха строителям позволяют оценить качество жизни, которую могло позволить себе королевское семейство. Покои возводили из дорогого камня, в каждом помещении имелись камин и уборная. Комнаты соединялись крытыми переходами, а свет поступал в них через разноцветные витражные окна. Интерьеры были великолепны: изысканная плитка на полу, колонны пурбекского мрамора, украшенные гобеленами, или покрытые узорной росписью стены. Судя по всему, из узоров Генриху больше всего нравились золотые звезды на зеленом поле. Снаружи, во дворах, были высажены цветы и травы⁵.

И такой роскошью мог похвастаться отнюдь не только Виндзор. Генрих с энтузиазмом отдавал распоряжения по отделке всех своих дворцов и замков — даже тех, в которых почти не бывал, — прокладке труб, драпировке помещений и заказам новых гобеленов (любимый сюжет — Эдуард Исповедник). Все это сделало его объектом язвительных комментариев. «Булки, гобелены да покои, — заметил один острослов, — чтоб ехать мягко, как попу́ на смирной кляче; это все королю куда милей кольчуги». Но и уровень комфорта, которым

наслаждался Генрих со своей молодой семьей, был полной противоположностью тому, что большинство наших современников понимают под словом «средневековый». Уже ребенком Эдуард ел с серебряных тарелок и пил хорошее вино, привозимое с юга Франции. По велению родителей его облачали в дорогие шелка, отделанные мехом пурпурные одеяния и шитые золотом одежды⁶.

Судя по заказам на все это, Генрих был внимательным и души не чающим в своем чаде отцом; дневник его поездок также свидетельствует, что король старался выезжать из Виндзора как можно реже. Однако сам факт наличия такого документа говорит о том, что большую часть времени Генриху приходилось проводить в разъездах по государственным делам. Как порой и Элеоноре — наиболее заметным ее отъездом стало семимесячное путешествие во Францию вместе с Генрихом в 1242–1243 годах. Однако королева проводила в Виндзоре гораздо больше времени, чем муж. Судя по дошедшим до нас источникам, она пребывала в замке большую часть каждого года⁷.

Причиной, несомненно, было желание проводить как можно больше времени с детьми, которых постепенно становилось все больше. Осенью 1240 года к Эдуарду в Виндзоре присоединилась родившаяся 29 сентября сестренка Маргарита, получившая имя в честь тетки по материнской линии. Несколько лет спустя, в 1243 году, во время поездки короля с супругой в Бордо на свет появилась Беатриса, названная по такому случаю в честь матери Элеоноры. Когда в начале 1245 года родился второй сын, настала очередь Генриха выбирать имя, и он вновь пошел против обычаев, решив почтить еще одного староанглийского святого короля. Вскоре малыш Эдмунд отправился в детскую, которая теперь превратилась в самый настоящий королевский детский сад. Эдуард вместе со своими младшими сестрами и братом водил компанию с кузенком Генрихом и другими знатными детьми⁸.

Вряд ли стоит говорить, что недостатка в поддержке при воспитании детей королева не испытывала. В первейших ее помощниках числились Хью и Сибил Жиффар, супружеская пара, присмотр за Эдуардом которой доверили с самого момента его появления на свет. Сибил помогала принимать роды и была награждена Эдуардом за свою помощь в роли повивальной бабки. Имелось у Элеоноры и

несколько других подручных дам, помогавших справляться с рутинной уходом за детьми. Младенцем Эдуард находился на попечении двух нянь, Эллис и Сары, круг обязанностей которых включал и грудное вскармливание⁹.

Пусть и не столь непосредственную, но все же крайне важную поддержку Элеоноре оказывали некоторые члены ее собственной семьи. По линии матери у королевы было сразу шестеро умных и весьма амбициозных дядюшек. Эти мужчины родом из альпийской области Савойя видели в браке племянницы возможность продвинуться выше, она же, в свою очередь, прибегала к родне за советом и помощью. Один из шести дядюшек, Вильгельм Савойский, прибыл в Англию, сопровождая Элеонору в 1236 году (и до своей смерти в 1239 году оставался главной причиной недовольства англичан). Несколько лет спустя прибыл Бонифаций Савойский, избранный впоследствии по настоянию Генриха архиепископом Кентерберийским. Но между двумя этими братьями в Англию приехал третий, Пьер Савойский, сыгравший роль куда более важную. Он появился вскоре после Рождества 1240 года и немедленно утвердился в качестве одного из ближайших советников короля. (Среди недвижимости, которой Генрих его впоследствии одарил, был и дом на Стрэнде, превратившийся поначалу в Савойский дворец, а потом и в отель «Савой».) Будучи исключительно ловким манипулятором (даже Матвей Парижский вынужден признать, что тот был «осторожен и расчетлив»), Пьер Савойский с самого начала понял, что его влияние всецело зависит от Элеоноры, а та важна для окружающих прежде всего как мать наследника престола. И тогда Пьер стал главным наперсником и компаньоном своей племянницы, предпринимая максимальные усилия, дабы на пару с ней плотно контролировать все, что касалось ее сына. Еще до прибытия Пьера к Эдуарду для допуска посетителей был приставлен чиновник из савояров, а спустя год после приезда дяди королевы прежнего констебля Виндзора заменили на Бернара Савойского (он предположительно был незаконнорожденным братом Пьера). Савояры не упускали из внимания ни одного аспекта благополучия Эдуарда, включая и самые неприглядные. Так, спустя несколько месяцев после прибытия Пьер посоветовал Генриху удалить из Виндзорского замка всех лошадей с их навозом — опасаясь, вероятно, возможного риска для здоровья обитателей королевской резиденции¹⁰.

Нам мало что известно об образовании Эдуарда, но несколько общих замечаний сделать можно. Матвей Парижский называет Хью Жиффара, супруга Сибил, учителем (*pedagogus*) мальчика, и вполне возможно, что именно тот преподавал Эдуарду первые уроки, — хотя тут речь идет, скорее всего, о навыках социального характера, нежели о каких-то предметах. Хью умер еще до того, как Эдуарду исполнилось семь — возраст, который большинство средневековых мыслителей определяли границей раннего детства, за которой должно приступать к более строгому воспитанию мальчика. До семи же лет забота о детях и их образование считались обязанностью женской¹¹.

Так что важнейшими вопросами образования Эдуарда — а именно обучением его грамоте — занимались, скорее всего, именно Сибил Жиффар, няни Эллис и Сара и, конечно, сама королева. Хотя при дворе было немало клерков, занимались они, вероятно, делами административного характера и отправлением богослужений. Как говорится в одной поэме XIII века, «книге ребенка жена учит». Умение читать было совершенно обычным для знати XIII столетия — как и для большинства других слоев общества. Так, ко времени восшествия Эдуарда на престол закон требовал, чтобы даже у серфов (несвободных крестьян) была собственная печать для заверения документов. Умение же писать, напротив, считалось более специализированным техническим навыком, а поскольку дело это было еще и весьма грязным, знать, несомненно, полагала его занятием недостойным — тем более что при каждом доме имелись специально обученные письму клерки. Так что Эдуард наверняка умел читать, а вот писать — вряд ли¹².

Одной из причин, сделавших грамотность для английской знати XIII столетия явлением более доступным и популярным, стало всевозрастающее количество книг, переводимых на язык ее повседневного общения. Библия, молитвословы и псалтири были доступны во французском переводе, а поскольку к чтению людей подталкивала прежде всего религия, именно эти книги, вероятно, и стали первыми в жизни Эдуарда. Однако, несмотря на растущую доступность таких материалов и все более частое использование французского языка в переписке — личной и деловой, — будущему королю необходимо было освоить хотя бы азы латыни (и уж в этом-то клерки наверняка помогли ему гораздо больше, чем мать). Латынь оставалась основ-

ным письменным языком королевского правительства и единственным *lingua franca*, доступным для общения с другими европейским правителями и особенно — с римским папой. Наконец, Эдуард наверняка с молодых ногтей учил и английский — и тут, конечно, он скорее внимал своим местнорожденным опекунам Хью и Сибил Жиффар (а также, возможно, няням), чем прованской матери. Знание этого языка не сулило ему серьезных светских преимуществ, так как едва ли что-то ценное могло быть написано на английском, да и в привычных Эдуарду изысканных придворных кругах на нем не разговаривали. И все же в будущем способность короля изъясняться на том же языке, что и подавляющее большинство его подданных, обещала оказаться полезной¹³.

Чему же мог обучаться Эдуард? Программы как таковой не было, и тем не менее имелся обширный перечень предметов, которые считались достойными изучения. Желательным было знание истории — в основном потому, что она рассказывала о достойных личностях, выдающимся деяниям которых следовало подражать, и о неудачниках, чьих ошибок надлежало избегать. Так Эдуард, должно быть, узнал немало из истории собственной семьи, в которой были как готовые герои вроде Ричарда Львиное Сердце, двоюродного деда Эдуарда, так и менее достойные воспевания фигуры — например, его дед, король Иоанн. И конечно же, неизбежным образцом остался Эдуард Исповедник. Генрих III заполнил свои дворцы изображениями любимого святого короля и неизменно отмечал дни его памяти дважды в год (как правило, приезжая в Вестминстер). Генрих настоятельно желал, чтобы и супруга с самого момента своего прибытия в Англию присоединилась к его восторженному почитанию предивного во всех отношениях святого, и по его поручению некто иной, как Матвей Парижский, составил для Элеоноры описание правления святого короля на французском. Та послушно последовала желаниям мужа, исправно подражая его почитанию героя, и наверняка поделилась новоприобретенными знаниями со своим старшим сыном. Эдуард стал преданным последователем культа своего тезки, хотя и не в той чрезмерной степени, как его отец¹⁴.

* «Французский язык» (*ит.*) в значении общего языка общения для разноязычных собеседников.

Если Элеонора принимала личное участие в развитии исторических знаний сына, то, должно быть, посвящала его в более отдаленные и легендарные глубины прошлого страны, которую волею судеб стала называть своей родиной. Судя по спискам приобретаемых книг, королева была большой любительницей средневековых романов — и речь тут о волнующих рыцарских сказаниях, а не любовных историях в современном смысле. Склонность к такой литературе развилась у нее, должно быть, в юные годы в Провансе — мода на романы возникла в южной Франции за полстолетия до рождения Элеоноры. Их сюжеты охватывали множество исторических эпох, включая древние Грецию и Рим («Роман об Александре») и Францию времен раннего Средневековья («Роман о Шарлемане»). Однако действие наиболее популярного и любимого из всех (не только в Англии и не только Элеоноры, но и в любом уголке Европы и каждого) происходило в древней Британии — это была история о короле Артуре и рыцарях Круглого стола¹⁵.

Такие истории читали или слушали для удовольствия и развлечения. Как правило, они были полны действия, зачастую жестокого и кровавого, и превозносили сугубо физические достижения. Героев славил за доблесть на турнирах и сраженные в битвах полчища врагов. Однако в то же время романы эти имели и дидактическую направленность, прославляя широкий спектр добродетелей, особо ценимых в светском аристократическом обществе. Те, кто слушал истории про Артура и его рыцарственных соратников, знали, что следует быть не трусливым, но отважным; не вероломным, но верным; не жадным, но щедрым; честным и искренним в своих поступках, а не лукавым и коварным¹⁶.

Когда же дело дошло до изучения географии, это неизбежно потребовало выхода в большой мир. Хотя маленьких детей и не стоило подвергать чересчур частым переездам, по особым случаям они все же путешествовали. Так, Генрих III традиционно праздновал Рождество в Винчестере или Вестминстере, и можно вполне уверенно сказать, что делать он это старался вместе с семьей. У Элеоноры тоже были излюбленные места, в которые она нередко выезжала из Виндзора: королевский дворец в Вудстоке близ Оксфорда, например, и резиденции Кларендон и Марлборо в Уилтшире. Дети, должно быть, время от времени присоединялись к матери, усаживаясь в ее каре-

ту или в специальные седла, на которых можно было сидеть вместе со взрослым, — их для Эдуарда и Маргариты стачали, еще когда те были совсем маленькими. Но выход за пределы безопасной детской таил неизбежные риски. Свой седьмой день рождения в 1246 году Эдуард отмечал с родителями на гемпширском побережье, куда королевская семья прибыла на освящение аббатства Бьюли. Здесь он внезапно разболелся, притом так серьезно, что следующие три недели мальчика не решались подвергать переезду. Впрочем, недуг мог настичь где угодно — Эдуарду не раз доводилось болеть и в более привычной обстановке Вестминстера и Виндзора¹⁷.

И все же, несмотря на все риски, необходимо было дать растущему мальчику возможность увидеть мир за пределами дворцовых стен и приступить к занятиям, которые сделали бы его тело крепким. Считалось, что начинать упражнения следует именно по достижении семи лет. После смерти первого наставника Эдуарда, Хью Жиффара, в 1246 году мальчика передали на попечение рыцаря Бартоломью Печче, заботам которого до того была вверена Маргарита. Должно быть, именно под бдительным взглядом Бартоломью новый воспитанник начал осваивать те навыки и увлечения, которые стали неотъемлемой частью его дальнейшей жизни: учился охотиться, пускать коня в галоп, приручать сокола и не терять его из виду. Из всех средневековых монархов Генрих III был чуть ли не единственным, кто воздерживался от подобных развлечений и явно их не жаловал. Однако в 1247-м, спустя год после назначения Печче, король дозволил сыну охотиться в Виндзорском лесу. А значит, Эдуард, надо полагать, уже начал осваивать оружие, учась держать в руках ножи, луки и мечи. Вряд ли прошло много времени, прежде чем он обрел достаточно силы для того, чтобы вздеть копьё и начать разить им цель¹⁸.

Детство отступало, с каждым днем Эдуард становился крепче, решительнее, сильнее и все внимательнее вглядывался в окружающий его мир. Причем речь не только о лесах и холмах, окружавших Виндзор и другие королевские резиденции, но и о ландшафте южной Англии в целом, который юноша рассматривал поначалу из окна кареты, а теперь все чаще — с высоты седла собственного коня. По нынешним меркам это была весьма малонаселенная земля: в XIII столетии в Англии жило всего около трех-четырёх миллионов

жителей, причем большей частью они ютились в маленьких деревушках, вынужденные, дабы выжить, возделывать землю для себя или своих господ. По меркам же Средневековья это была весьма густонаселенная территория с динамично развивающейся экономикой. Численность населения быстро росла, а вслед за этим под плуг шло все больше земли. Местность, показавшаяся бы нам едва ли не запустелой, для Эдуарда была полна жизни. Куда бы он ни взглянул, всюду валялись древние леса и воздвигали новые города, а крестьяне тянулись на рынки продавать свои излишки¹⁹.

А что же мир за пределами Англии? Представления о географии (если не считать того, что было прямо перед глазами) Эдуард имел самые отдаленные. Подробных карт, воспринимаемых нами сегодня как должное, в те дни попросту не существовало. Степень развития географической науки XIII столетия наглядно демонстрирует большой лист пергамента, вывешенный в Херефордском соборе и известный как *Мappa Mundi* (хотя и другие средневековые карты называли точно так же, что означало «полотно мира»). Именно эту карту Эдуард, возможно, и не видел, поскольку она была составлена ближе к концу его жизни — вероятно, в Линкольншире. Однако он видел другие подобные, составленные по тому же шаблону, поскольку среди тех, кто мог позволить себе такие карты, они были весьма популярны. В 1230-х годах Генрих III заказал две подобные карты мира для королевских резиденций в Винчестере и Вестминстере, а их миниатюрные копии воспроизводились в молитвенниках. Вполне возможно, что была такая книжица и у Эдуарда.

Бытует распространенное заблуждение, будто в Средние века люди верили, что Земля плоская. Не верили — это лишь весьма, увы, распространенный и не лишенный оттенка покровительственности современный миф. Астрономические наблюдения и античные авторитеты говорили средневековому человеку, что мир представляет собой сферу. Однако в силу недостаточных познаний в географии подлинное понимание природы земной поверхности тогда отсутствовало. В доколумбову эпоху европейцам были известны лишь три континента — Африка, Азия и, собственно, Европа. Все они, согласно бытовавшим тогда взглядам, располагались в Северном полушарии, экватор же считался непреодолимой огненной стеной, любая жизнь за которой невозможна. Именно это и демонстрирует хере-

фордская *Mapra Mundi* — северную половину сферического мира со всеми ее многочисленными диковинками.

Британские острова на этой всемирной карте представляют собой глухую окраину — они втиснуты в самый угол нижнего левого квадранта. И все же, несмотря на весьма ограниченные из-за этого размеры, изображены они на удивление подробно — сюда уместилось больше тридцати городов, видны горные гряды и главные реки. Создатель карты, однако, не стремился ограничиться сугубо топографическими объектами. Чем дальше он выходит за границы Западной Европы и чем туманнее становятся его географические познания, тем смелее он пускает в дело объекты мифологические. Южный край карты населяют диковинные люди — четырехглазые, гермафродиты, существа с лицами на месте животов. Африка кишит монстрами и чудовищами, среди которых заметны циклопы, фавн и единорог. В Средиземноморье также налицо серьезное влияние античных мифов — тут теснятся, оспаривая место на карте, золотое руно и Кносский лабиринт, Сцилла и Харибда.

И все же, несмотря на такое разнообразие классических и фантастических объектов, *Mapra Mundi* являет собой несомненно христианский взгляд на мир. Святая земля представлена библейскими сценами, в том числе высящимися надо всем остальным Новым ковчегом и Вавилонской башней. У верхнего края карты, над Землей, восседает Господь в окружении ангелов, а под ним стоит Дева Мария. Однако взгляд зрителя неизбежно устремляется к самому центру пергамента, а там в круге, прямо поверх отметки от циркуля художника, начинавшего отсюда чертить мир, изображен град Иерусалим²⁰.

Иерусалим как центр всего мира — это, конечно, еще одна черта христианского восприятия мироздания: прямо над Святым градом автор *Mapra Mundi* изобразил распятого Христа. Более того, это был взгляд на мир глазами крестоносца. К середине XIII столетия христиане Западной Европы уже полтора века сражались с исламскими правителями Ближнего Востока, пытаясь овладеть находившимся в их власти Иерусалимом. В конце XI века, когда в поход отправились первые крестоносцы, сама идея такого предприятия казалась невероятной, в дни Эдуарда это был уже важный общепринятый факт повседневной жизни. Поход на Восток для сражения с

неверными стал столь же неотъемлемой чертой рыцаря, как наличие коня или умение владеть копьем. Носить крест и выступать в защиту Святого града считалось наивысшим из всех рыцарских подвигов. И касалось это отнюдь не только воинского сословия — призыв к моральной и финансовой поддержке крестоносцев звучал во всех стратах общества. Редкий год проходил без очередного воззвания объединить молитвы и средства для организации нового похода²¹.

Историю Крестовых походов Эдуард знал, скорее всего, исключительно по народным сказаниям. Из них можно было узнать, например, как рыцари Первого крестового похода прошли тысячи миль, преодолевая немыслимые испытания, и в итоге успешно освободили Иерусалим. Наверняка слышал он и не менее популярные истории про Третий крестовый поход, попытку вернуть Иерусалим после его сдачи в 1187 году — попытку полностью безуспешную, неудачу которой, впрочем, сполна искупили героические подвиги Ричарда Львиное Сердце. Будучи дядей Генриха III, король Ричард напрямую связал своих потомков с Крестовыми походами, вот только умер он почти за столетия до рождения Эдуарда. Но была у мальчика и гораздо более живая связь с крестоносцами через его собственного дядю Ричарда, младшего брата Генриха.

Ричард, граф Корнуолла (более известный как Ричард Корнуольский) отправился в Крестовый поход летом 1240 года, до того как Эдуарду исполнился год. Собственно, путешествие это стало возможным именно благодаря появлению Эдуарда, поскольку до его рождения Ричард был первым в очереди на трон. Увы, когда дело дошло до битв, в Ричарде оказалось гораздо больше от старшего брата, нежели от прославленного тезки, так что никаких сколько-нибудь заметных сражений в этом походе не случилось. Однако Ричард был гораздо умнее Генриха и особенно преуспел в искусстве переговоров. Дипломатические таланты его были настолько замечательны, что в ходе своего кратковременного пребывания в Святой земле граф сумел договориться о возвращении Иерусалима. Договор этот просуществовал недолго — город вновь пал четыре года спустя, — однако он снискал Ричарду международную репутацию искусного политика, и в 1242 году граф вернулся в Англию в ореоле славы, убежденный в своем полном триумфе. Более того, он принес с собой множество рассказов о чудесах, что довелось повидать: о разъезжаю-

щих на слоновьих спинах оркестрах или же танцующих на шарах сарацинках. Граф рассказал все это Матвею Парижскому, записавшему услышанное, а также, несомненно, и своему племяннику. Ричард был не только дядей Эдуарда, но и крестным отцом — одним из самых важных людей для мальчика среди сонма других восприемников. Они стали очень близки²².

Генрих III предсказуемо относился к крестоносцам и Крестовым походам с энтузиазмом гораздо меньшим, нежели его брат или большинство подданных. Набожности у него было с избытком, а вот склонности к насилию явно недоставало. К концу 1240-х, однако, в преддверии очередного падения Иерусалима перспектива принять участие в Крестовом походе становилась практически неизбежной. Многие английские дворяне были готовы отправиться на Восток под собственными знаменами или даже присоединиться к королю Франции Людовику IX, отплывшему в Святую землю в 1248 году. И как раз это последнее обстоятельство стало для Генриха настоящим вызовом, ибо французский король был его исконным соперником. Неужто он, владыка Англии, станет молча смотреть, как королю Людовику достается вся слава? И коль скоро на кону оказалась национальная и династическая гордость, Генрих решил, что нет — не станет. В марте 1250 года на торжественной церемонии король удивил подданных, взявшись за крест. Многие дворяне и рыцари тут же дали такие же обеты, и вскоре крестоносная лихорадка охватила весь двор. Несколько недель спустя королева Элеонора раздобыла экземпляр «Песни об Антиохии» — романтизированной истории Первого крестового похода. На следующий год Генрих принялся заказывать для своих замков и дворцов новые гобелены и росписи со сценами из той самой «Песни» или эпизодами из жизни Ричарда Львиное Сердце. Куда бы ни глядел впечатлительный одиннадцатилетка, кого бы он ни слушал, отовсюду раздавались призывы выступить в Крестовый поход.

Дав обет, Генрих III не мог отправиться немедленно. Крестовый поход не был развлекательной поездкой, которую легко устроить по сиюминутному капризу, — напротив, такие дела совершались раз в жизни и требовали многих месяцев кропотливой подготовки, растягивавшейся даже и на годы. Прежде всего прочего крестоносец должен был быть уверен в двух вещах — во-первых, что ему хватит денег

на поход. Тут Генрих взялся экономить, урезая траты и формируя золотой запас (на Востоке золото ценилось выше серебряной монеты, бывшей в ходу на Западе). Во-вторых же, крестоносцу нужно было удостовериться, что его земли будут в безопасности в его отсутствие. Тут Генрих преуспел меньше и столкнулся с серьезными затруднениями. А причиной этих затруднений, которые поставили под угрозу весь поход короля, стал его старший сын²³.

Генрих III был первым и верховным королем Англии, но, помимо того, он являлся и хозяином ряда других земель. В Ирландии, например, в последние десятилетия XII столетия выходцы из Англии захватили немало поместий, и дед Генриха, Генрих II, вторгся на остров, дабы принести туда власть английской короны. Уэльс в XII веке также подвергся немало числу масштабных вторжений со стороны англичан, результатом чего стал переход значительных территорий на юге и востоке под власть английских лордов или королевских чиновников. Однако ни одна из этих «британских» зон не беспокоила короля в 1250 году — им, как и самой Англии, похоже, ничего не угрожало. Тревожившая Генриха опасность маячила за Ла-Маншем, над его родовыми владениями на континенте²⁴.

С самого 1066 года, когда герцог Вильгельм Нормандский захватил трон Англии, английские короли владели обширными землями на территории нынешней Франции. В течение всего XII века они шаг за шагом расширяли свои владения дальше на юг, пока не достигли Пиренеев. К моменту своей кончины Генрих II, главный организатор этого движения, имел в своем владении больше французской земли, чем сам король Франции, что, естественно, и стало главной причиной англо-французской вражды. В следующем поколении, однако, соотношение сил резко изменилось. Сын Генриха II, бездарный король Иоанн, утратил почти все собранные отцом земли. За десять лет, прошедших между смертью Иоанна в 1216 году и совершеннолетием его сына, Генриха III, от некогда огромных наследных владений остался только юго-западный угол Франции, известный под именем Аквитании, или Гасконии²⁵.

По сравнению с былой роскошью Гасконь казалась лишь жалким отгрызком, однако само по себе герцогство было весьма обширным, простираясь на 240 километров с севера на юг и на приблизительно

но вдвое меньшее расстояние — с востока на запад. Генрих III ревностно оберегал этот последний остаток своего континентального наследства и напряженно искал возможность защитить его, пытаясь любыми способами укрепить свое влияние на регион. Именно поэтому — а также желая не отстать от своего французского соперника — Генрих взял себе жену из Прованса: за восемь месяцев до их с Элеонорой женитьбы король Людовик сделал своей супругой ее старшую сестру, Маргариту. Генрих надеялся, что однажды сможет вернуть утраченные отцом земли. Именно с этой целью он пошел на Францию, когда Эдуард был еще младенцем, — но эта катастрофическая авантюра лишь в очередной раз подтвердила его репутацию бездарного военачальника. Пока же наиболее важным делом оставалось сохранение Гаскони. Для Элеоноры и ее дяди-советника Пьера Савойского это стало делом первейшей важности, поскольку они уже давно решили, что однажды это герцогство отойдет Эдуарду. Практически с момента рождения наследника они всячески отваживали любых других возможных претендентов — в частности, Ричарда Корнуольского, — и вскоре после десятого дня рождения Эдуарда их старания увенчались успехом: в сентябре 1249 года Генрих III официально передал Гасконь своему старшему сыну. Однако приблизительно шесть месяцев спустя, когда король взялся за крест, ситуация в герцогстве стала выходить из-под контроля. Начался мятеж, угрожавший и планам Эдуарда на наследство, и Генриха — на Крестовый поход. Причиной всему стал Симон де Монфор²⁶.

Симон де Монфор, граф Лестер, приходился Генриху III зятем (сестра короля, также Элеонора, была супругой Симона). А еще он был полной противоположностью Генриха III — находчивый, красноречивый и, по словам Матвея Парижского, «славный и искусный в ратном деле». Личные качества и свершения Монфора убедили Элеонору Прованскую, что никто лучше него не сможет сбереечь Гасконь до совершеннолетия Эдуарда. Летом 1248 года Генрих назначил Монфора (прежде всего по настоянию супруги) королевским наместником в герцогстве²⁷.

Это оказалось скверным решением. Да, Монфор был человеком сильным и умным — но также необычайно себялюбивым и непоколебимо самоуверенным. Эти качества, развившиеся отчасти под влиянием его религиозного фанатизма, делали Монфора идеальным

крестоносцем (а он уже побывал на Востоке и дал обет отправиться туда вновь), но совершенно не подходили для управления Гасконью. Власть и ресурсы наместника были ограничены — когда местные лорды и городские общины шли на конфликт, требовалось их мягко умиротворять. Монфор же предпочитал истреблять огонь огнем же, так что вскоре запылало все герцогство. Даже после того как в марте 1250 года Генрих III взялся за крест, его зять расписывал в своих посланиях, как гасконцы ведут партизанскую войну, пытаясь подорвать его власть²⁸.

Поначалу Генрих решил поддержать Монфора — за 1250 год граф получил тысячи фунтов для найма солдат и строительства замков. Однако волна недовольства гасконцев все возрастала, а пожар мятежа расходился все шире, и тогда Генрих решил действовать иначе. Вскоре он урезал денежные поступления, что разгневало Монфора и вылилось на Рождество 1251 года в ожесточенную публичную перепалку между королем и графом. Монфору было приказано сложить полномочия, но он наперекор королю вернулся в герцогство и стал сеять раздор пуще прежнего²⁹.

Разрастающийся в Гаскони кризис поставил под серьезную угрозу грядущий Крестовый поход короля и встревожил тех его подданных, кто дал обет отправиться на Восток. В апреле 1252 года их страхи подтвердились — причем, что иронично, благодаря неудачной попытке Генриха страхи эти развеять. Король решил объявить, что поход непременно состоится, и, дабы подкрепить сказанное, назначил конкретную дату выступления. Вот только датой этой стало летнее солнцестояние 1256 года, ждать которого предстояло еще целых четыре года. Столь длительная отсрочка понадобилась Генриху после того, как, отправив соглядатаев в Гасконь, он утвердился во мнении, что единственным способом утихомирить герцогство будет военная экспедиция под его личным началом³⁰.

Однако и тут короля поджидала серьезнейшая проблема — деньги. Война — дело дорогое, а Генрих не был богатым королем. Его личные фонды, формировавшиеся за счет ренты и торговли в принадлежащих ему владениях, были отнюдь не велики. Можно было потребовать больше денег со своих подданных, но тогда пришлось бы пустить в дело старомодные и несправедливые карательные методы. По сути, короли всецело зависели от доходов и налогов, со-

бираемых их представителями на местах — лесничими, судьями и шерифами, — и чем больше денег необходимо было собрать, тем суровее и бесчестнее приходилось действовать королевским слугам. Тот факт, что истории про Робина Гуда, выставлявшие представителей короля злодеями, начали сочинять именно в царствование Генриха, говорит о многом³¹.

Очевидным решением было бы провести большой сбор — всеобщий разовый налог, — и непосредственные предшественники Генриха в подобных случаях поступали именно так. Короли Ричард и Иоанн обнаружили, что так можно собрать огромные суммы — Англия, повторимся, была страной богатой и процветающей. Вот только подобные сборы были чрезвычайно непопулярны в народе и воспринимались как откровенный грабеж. Достаточно быстро стало невозможным прибегать к ним, не заручившись перед этим согласием народа — причем гораздо большей его части, чем при любых других политических решениях. Предложенный было в царствование короля Иоанна способ, предполагавший переговоры со всеми, кому он пожаловал земли лично, оказался бесполезным. Советникам Генриха пришлось придумывать новый способ добиться народного одобрения, и где-то между 1237 и 1254 годами они пришли к мысли созвать представителей от графств и городов Англии. Приблизительно тогда же появилось новое слово для обозначения подобных собраний — парламент³².

Однако когда этот парламент был созван, то, к удивлению и разочарованию Генриха, выяснилось, что в нарушение всех его ожиданий подданные отнюдь не готовы соглашаться с монархом и покорно принимать его волю. У рыцарей широв и представителей городов было много что рассказать о притеснениях правительства Генриха, и денежные поборы стали одной из главных претензий. Более того, собирать деньги на защиту Гаскони они и вовсе не желали. Глубокую привязанность, которую питали к Гаскони короли Англии, их английские подданные отнюдь не разделяли, видя в Гаскони лишь дорогостоящую обузу. Когда осенью 1252 года Генрих потребовал ввести новый налог для организации предполагаемой экспедиции, парламент отказался (дополнив отказ еще и оскорбительным указанием на несостоятельность монарха как воина). Король оказался в безвыходном положении. Зажатый между гасконским восстанием с

одной стороны и политической оппозицией в Англии — с другой, Генрих принялся за то, что получалось у него лучше всего, — медлить в нерешительности³³.

Вероятно, единственным, кто смог отнестись к этому мешканью короля с неким подобием спокойствия, был его старший сын. Гасконский кризис впервые вытолкнул Эдуарда на политическую сцену (Матвей Парижский, например, начинает пристально следить за ним именно с этого момента). В апреле 1252 года в рамках политики примирения Генрих повторно подтвердил свое решение передать герцогство Эдуарду. Бывших в это время в Англии гасконцев вызвали в Лондон и представили им сына короля в качестве нового лорда. Он добросовестно поучаствовал в традиционной для таких случаев церемонии — выслушал клятвы верности от коленопреклоненных гасконских лордов и раздал дорогие дары как залог тех благ, что принесет им его владычество. Эдуарду шел тринадцатый год, но если столь юный возраст и помешал ему со всей ответственностью исполнить свою роль, то разве что самую малость. С каждым месяцем промедления Генриха его сын становился все выше ростом и сильнее, все красноречивее и сознательнее в вопросах политики. Вполне возможно, что, пообещав летом 1252 года лично отправиться в Гасконь, Генрих рассматривал и альтернативный сценарий, который вполне устроил бы и его, и гасконцев, — отправить в Гасконь сына, ставшего господином этого герцогства. Сам же Эдуард, возможно, тихонько радовался тому, что лето 1256 года настанет еще через четыре года — семнадцатилетние участники Крестового похода не были чем-то из ряда вон выходящим³⁴.

Впрочем, все прекраснотушные надежды на то, что в результате гасконского кризиса Эдуард приобретет большой вес, развеялись с резким ухудшением ситуации весной 1253 года. Кастилия, самое большое из составлявших средневековую Испанию королевств, многие десятилетия была дружественным соседом Гаскони по южной границе герцогства. Теперь же оно обрело нового короля, Альфонсо X, унаследовавшего трон в 1252 году и твердо вознамерившегося оставить след не только в испанской, но и в общеевропейской истории. Имея собственные (хотя и весьма спорные) права на гасконский трон и почти наверняка получив соблазнительное приглашение на него от местных мятежников, Альфонсо не смог устоять

перед искушением распространить свою власть и за Пиренеи. Весной 1253 года при его поддержке разразилось новое восстание, и кастильский король самым недвусмысленным образом дал понять, что не останется в стороне. Замки и города стали стремительно один за другим распахивать ворота перед новым претендентом. В апреле жители Бордо, главного города Гаскони, отправили Генриху исполненное паники послание. Если английский король не предпримет немедленных действий, заверяли они, герцогство будет потеряно навсегда. Столь ужасающая перспектива заставила Генриха действовать. По-прежнему, однако, не имея возможности согласовать новый налог, он прибег к имеющейся у каждого лорда привилегии и объявил среди вассалов денежный сбор на посвящение своего старшего сына в рыцари. Если, услышав об этом, Эдуард вообразил, что вот-вот станет воином, он жестоко ошибся. Когда в августе Генрих со своим спешно набранным войском вышел в море из Портсмута, Эдуард был оставлен в Англии на попечение назначенной регентом матери. «Мальчик, — пишет Матвей Парижский, — плача и рыдая, стоял на берегу и не желал уходить, пока еще были видны вздутые паруса кораблей»³⁵.

Итак, родители по-прежнему видели в уже четырнадцатилетнем Эдуарде ребенка, отводя ему роль пешки, а не короля. Но даже когда монарх уплыл на войну, его советники продолжили неустанно трудиться над заключением мира. Они совершенно справедливо предположили, что Альфонсо поддержал гасконских мятежников исключительно в собственных интересах, и все лето и осень напролет убеждали испанского короля, что наиболее выгодным для него будет дипломатическое решение конфликта. Альфонсо оказался типом весьма несговорчивым и тянул время, надеясь добиться лучших условий, но Генрих преуспел в усмирении гасконских мятежников, и к началу 1254 года испанский король был готов договариваться. Он согласился прекратить поддержку мятежа и не претендовать на Гасконь в обмен на брачный союз. Его младшая единокровная сестра — и вновь Элеонора! — должна была стать женой старшего сына Генриха³⁶.

Генрих, надо сказать, с самого начала предусматривал подобный союз. «Нет способа достойней скрепить дружбу меж государями, чем узы брака», — весьма выпендренно заявил он весной предыду-

щего года при отправке своих послов в Испанию. Но король явно не ожидал, что эта дружба обойдется ему так дорого. Прежде чем согласиться на эту свадьбу, Альфонсо потребовал, чтобы жениха наделили землями, приносящими 10 000 фунтов ренты в год. Генрих почти наверняка не собирался одарять сына таким богатством, но, поскольку другие варианты отсутствовали, вынужден был согласиться. Четырнадцатого февраля, еще будучи в Гаскони, английский король издал хартию, по которой во владение Эдуарда переходил огромный земельный надел. Главной его составляющей, как уже давно предполагалось, стала, естественно, Гасконь. Однако для достижения заявленной Альфонсо суммы в надел были также включены все (хотя и с некоторыми исключениями) королевские земли в Ирландии и Уэльсе, а в Англии — перешедшее после смерти своего лорда в собственность короны графство Честер, Бристольский замок и ряд значимых поместий в Мидлендсе. Но и это оказалось не последним условием испанского короля. Альфонсо хотел еще до свадьбы повидаться со своим будущим зятем и потребовал права лично посвятить его в рыцари. Так положение Эдуарда изменилось самым радикальным образом. Он в одночасье превратился в самого богатого (после короля) землевладельца Англии. Более того, теперь юноше предстояло заморское путешествие, отнятое у него всего девять месяцев назад. Двадцать девятого марта Эдуард с матерью отплыли из Портсмута, взяв курс на Гасконь³⁷.

Лето 1254 года, в которое Эдуард отметил свое пятнадцатилетие, подарило ему множество новых впечатлений: первое морское путешествие, продлившееся без малого две недели и заставившее уповать на милость Божию как никогда прежде; первая встреча с войной, когда Эдуард присоединился к отцу на недавних полях сражений и поучаствовал — а точнее, поприсутствовал — при захвате последних оплотов мятежа. Но сильнее всего в эти недели юношу наверняка обуревали мысли о приближающейся свадьбе. Конечно, это был брак по расчету, устроенный исключительно во внешнеполитических интересах. И тем не менее браком по принуждению он не являлся. Церковь запретила склонять людей к браку против их воли еще в конце XII столетия, о чем Эдуард упомянул отдельно в июле, когда завершалась подготовка документов для грядущей помолвки. Стремясь доказать свою самостоятельность и отсутствие

принуждения со стороны родителей, он подтвердил, что «добровольно и самопроизвольно» согласился взять в жены Элеонору, «о благоразумии и красоте которой, — по-рыцарски добавил он, — мы насыщены от многих»³⁸.

Проведя несколько недель в Бордо, к концу сентября Эдуард отправился в Испанию. Ехал он один, без родителей — Генрих и так уже потратил слишком много времени и денег на усмирение беспокойного герцогства. Ему с королевой пора было возвращаться в Англию, что они и сделали несколько недель спустя. Это, однако, отнюдь не означало, что их сын отправился в путь без сопровождения. С ним ехала целая свита из лордов — лучших из тех, кого удалось собрать в ходе поспешной подготовки к путешествию. Некоторые знатные вельможи приехали из Англии, другие — из Гаскони. В свиту были специально включены и ровесники Эдуарда, которым еще только предстояло получить рыцарский титул, и, должно быть, именно это было вторым предметом переживаний юноши — его грядущее посвящение в рыцари. Следует отметить, что среди прочих Эдуарда сопровождал его наставник в делах ратных Бартоломью Печче с двумя своими сыновьями, которым также предстояло получить посвящение от руки испанского короля.

Восемнадцатого октября англо-гасконская процессия прибыла в город Бургос, который лишь незадолго до этого утратил титул главной резиденции испанских королей, сохранив, впрочем, тесную связь с царствующим домом. Гости прибыли слишком поздно, чтобы успеть на запланированные торжества в честь перенесения мощей Эдуарда Исповедника (13 октября), на что, вполне вероятно, надеялся Генрих III. Увы, из-за молчания испанских хронистов мы почти ничего не знаем о дальнейших событиях — они не записали даже даты церемонии посвящения. Скорее всего, Эдуарда и его спутников посвятили в рыцари 1 ноября в монастыре Лас-Уэльгас — расположенной вне стен города усыпальнице кастильских королей. В тот же день и в том же месте (хотя и тут нам остается лишь предполагать) Эдуард впервые встретился с Элеонорой, и они поженились. Нам, как и Эдуарду, практически ничего не известно о невесте, кроме слухов о ее благоразумии и красоте. Мы знаем лишь, что через несколько недель ей должно было исполниться тринадцать³⁹.

Эдуард со своей молодой женой и их спутники не стали задерживаться в Кастилии после свадьбы, пробыв здесь не больше недели. Уже 21 ноября они возвратились в Гасконь и дальше уже никуда не спешили. С заключением брака главная дипломатическая задача была выполнена, и опасность кастильского вмешательства отступила, так что теперь Эдуарду не было нужды суетиться. Напротив, недавний отъезд родителей означал, что теперь он уже по праву стал главным в герцогстве, а это предполагало необходимость посетить все крупные города и произвести должное впечатление на его народ. «Эдуард, перворожденный сын славного короля Англии, правящий ныне Гасконью как принц и лорд» — кажется, вступление первого же опубликованного Эдуардом после возвращения из Испании документа сполна передает ликование нового хозяина герцогства⁴⁰.

Однако с началом следующего года праздничное настроение спало, и началась серьезная работа по восстановлению порядка. Обнаружив финансы Гаскони в полном упадке, Эдуард решил объявить сбор, выбрав предлогом для этого, как и чуть раньше в Англии, свое недавнее посвящение в рыцари. Одного этого хватило бы, чтобы вызвать недовольство среди гасконцев, а между тем требование Эдуарда совпало с очередным сбором Генриха, готовившегося к Крестовому походу. Недовольство двойным бременем высекло новую искру мятежа. К весне 1255 года Эдуард вынужден был перейти к обороне — отбивать города, укреплять замки, распоряжаться о постройке судов и перевозить стройматериалы, золото и зерно из своих новых владений в Ирландии. В Англии же впавший в панику отец слал на континент подкрепление из наемных рыцарей и даже отменил очередной турнир ввиду, как ему казалось, отчаянной нехватки у сына живой силы в час опасности⁴¹.

Должно быть, Эдуард был искренне благодарен за такую родительскую помощь (если, конечно, посланное подкрепление до него добралось). К лету он подавил новые волнения и взялся укреплять свое влияние, разбираясь со старыми междоусобными дрязгами самих гасконцев. Однако далеко не каждое вмешательство Генриха в гасконские дела воспринималось Эдуардом с той же благодарностью. Сложности, возникавшие с укреплением его власти в Гаскони, были связаны не только с сопротивлением местных жителей, но и с ограничениями на применение этой самой власти. Большинство

гасконских чиновников назначил сам король до своего отъезда, почти полностью лишив сына права на инициативу. В тех же редких случаях, когда Эдуард принимал решения самостоятельно, Генрих вмешивался из-за моря и изменял их. Так, в Ла-Реоль, главном городе мятежников, восставшие до последнего удерживали местную церковь, в связи с чем Эдуард приказал сровнять здание с землей. Его отец, однако, немедленно вмешался и передал вопрос на суд двум епископам, которые предсказуемо постановили бóльшую часть здания сохранить⁴².

Комментируя передачу Генрихом земель сыну, Матвей Парижский был, как всегда, беспощаден. Этим решением, писал он, Генрих сам себя превратил в «обездоленного королька». Однако, хотя переданный надел был, бесспорно, огромен, он почти полностью состоял из далеких земель, власть короля на которых нередко оспаривалась. Даже переданные Эдуарду английские земли и поместья состояли из совсем недавних приобретений, королевские права на которые оставались весьма спорными. Что еще важнее, Генрих не стал лишать себя звания верховного лорда всех этих земель и по-прежнему сохранял соответствующие титулы лорда Ирландии и герцога Аквитании. Первоначальное (и оставшееся единственным в своем роде) объявление Эдуардом самого себя «первороденным сыном славного короля Англии, правящим ныне Гасконью как принц и лорд» хотя и было исполнено торжества, но в своей неуклюжести предательски свидетельствовало, что никаких новых титулов он не обрел. И это, конечно, лишь подчеркивало, что все полномочия Эдуарда восходили к его отцу, который в любой момент мог вмешаться и изменить любое решение сына. Эдуард, как и Симон де Монфор незадолго до него, оставался всего лишь наместником своего отца⁴³.

Суть этих отношений изложена в письме, которое родитель отправил сыну 17 августа 1255 года. Возвращаясь домой из Гаскони, Генрих посетил Париж, чтобы возобновить свой договор с французским королем, и теперь, после перезаключения трехлетнего перемирия, он счел, что Эдуарду пора продолжить начатый путь. Ему следует отправиться в Ирландию и провести там всю следующую зиму за обустройством своих заморских владений и наведением в них порядка. Гасконь же можно оставить на наместника — и Генрих, несомненно, уже подобрал подходящую кандидатуру. Распоряжения

эти были отданы по совету Пьера Савойского, двоюродного деда Эдуарда, который контролировал все шаги принца с самого младенчества. Итак, говорилось в заключение, если все будет хорошо, через несколько недель Пьер сам прибудет в Гасконь, чтобы помочь Эдуарду в приготовлениях к грядущему отъезду⁴⁴.

Генрих хотел также, чтобы в Ирландию его сын отправился один, то есть без молодой жены, — в письме об этом не было ни слова, так что, должно быть, это пожелание короля передали Эдуарду в частном порядке. За несколько дней до отправки письма король начал готовиться к встрече Элеоноры Кастильской в Англии. Это его решение было неудивительно — Ирландия считалась дикой и лишь полуукрощенной землей, совершенно не подходящей для приема испанской принцессы. Впрочем, имелась и еще одна гораздо более очевидная причина на время разлучить молодых супругов. Судя по всему, в конце мая Элеонора, которой было уже тринадцать с половиной лет, родила недоношенную дочь⁴⁵. Ей, видимо, не удалось в отличие от своей тезки избежать рискованного раннего зачатия. Грустные известия достигли Англии ближе к лету, и родители Эдуарда наверняка испытали прилив сильнейшего желания наставить и защитить детей. Временное воздержание по их собственному примеру было неплохой идеей, но вряд ли представлялось возможным до прибытия Эдуарда и Элеоноры в Англию. Полугодовая же разлука казалась для начала неплохим вариантом. Такие рассуждения короля с королевой были вполне объяснимы и даже оправданны — вот только с учетом сильнейшей привязанности молодых друг к другу (а в последующие годы они практически ни разу не разлучались) Эдуард не мог отнестись к их предложению иначе, как к очередному ненужному родительскому вмешательству и вящей насмешке над его мнимой независимостью. И тогда он наверняка решил воспротивиться.

В соответствии с пожеланием Генриха III Элеонора Кастильская отплыла в Англию — вероятно, в конце сентября — и 9 октября благополучно прибыла в Дувр. Ее отъезд, должно быть, совпал с ожидаемым прибытием в Гасконь Пьера Савойского, весь следующий месяц помогавшего Эдуарду с приготовлениями к его собственному отбытию⁴⁶. Пьер не виделся со своим внучатым племянником как минимум год и, должно быть, весьма удивился, увидев его. К шест-

надцати годам Эдуард, вероятно, уже обрел прославившие его впоследствии физические данные. Он был широколоб и широкоплеч, светловолос и хорош собой, даже несмотря на унаследованное от отца опущение верхнего века. К тому же он стал весьма высок ростом. Эдуард, как писал один из современников, «высился плечью и головой над большинством», и проведенная в XVIII веке эксгумация его тела подтверждает рост в метр и восемьдесят восемь сантиметров — отсюда и его достаточно популярное прозвище — Длинноногий. Если говорить о внешности, вполне можно предположить, что, предоставленный самому себе, Эдуард и одеваться начал иначе, чем прежде: мужчиной он стал избегать пышных и роскошных одежд, в которые родители облачали его ребенком⁴⁷. Пьер Савойский, должно быть, быстро осознал, что его подопечный изменился во всех отношениях и манипулировать им с прежней легкостью больше не удастся. В конце октября Эдуард покинул Гасконь, но отправился не в Ирландию, как того хотели родители и Пьер. Вместо этого он двинулся на север, в сторону Франции, откуда и перебрался в Англию. В конце ноября он въехал в Лондон, жители которого встретили Эдуарда с той же пышностью, что и его супругу за шесть недель до этого⁴⁸.

Таким образом, несмотря на свой тщательно продуманный план, Генрих III обнаружил, что Рождество ему придется отмечать не только со снохой, но и в компании своего первенца, который, похоже, всерьез намеревался испытать пределы дозволенной ему самостоятельности. На Рождество случилась первая зафиксированная в источниках ссора отца с сыном. Причиной стало возмущение гасконских торговцев, пожаловавшихся Эдуарду на королевских таможенников, которые без оплаты отбирали у них товары. Таможенники же воззвали к собственному хозяину — Генриху, — отвергнув предъявленные обвинения и напомнив ему между прочим, что «в Англии есть только один король, имеющий власть вершить правосудие». Проще говоря, это дело поставило вопрос о рамках полномочий Эдуарда и степени его подчиненности отцу. Когда Эдуард обратился с этим напрямую к Генриху, тот с пафосом напомнил сыну о злоключениях своего деда, Генриха II, против которого открыто восстали собственные сыновья. Эдуард, конечно же, о подобном даже и не помышлял, так что вскоре конфликт сошел на нет. Одна-

ко принц по-прежнему чувствовал себя скованным ограничениями, страстно желая обрести бóльшую власть и занять более заметное место. Матвей Парижский писал (назвав это дурным знаком), что именно тогда Эдуард увеличил свою свиту и стал выезжать в сопровождении двухсот всадников⁴⁹.

Той зимой дурные знаки мерещились Матвею Парижскому в Англии повсюду. Рассказывая о состоявшейся в октябре встрече Элеоноры Кастильской, унылый монах описал насмешки лондонцев над ее испанскими одеждами и обстановкой (сугубой издевкой удостоились расстеленные в покоях принцессы ковры). Но более мудрые головы, писал Матвей, явно подразумевая свою собственную, тревожили проблемы посерьезней, на фоне которых прибытие Элеоноры казалось лишь очередным прискорбным симптомом, — а именно склонность короля окружать себя сомнительными чужеземцами. Сперва была жена самого Генриха, с приездом которой двадцать лет назад начался приток савояров — причем не столько славных мужей, как Пьер Савойский или архиепископ Бонифаций, сколько дюжин куда менее достойных персонажей, явившихся в Англию в поисках выгодных браков, рент и мест при дворе. Теперь, похоже, неизбежным становилось такое же нашествие испанцев⁵⁰.

Однако куда вреднее, чем савояры или испанцы, оказались для королевства те чужеземцы, что явились после первых и до появления вторых. Весной 1247 года Генрих III с радостью встречал в Англии нескольких детей от второго брака своей матери. Оставив за тридцать лет до этого Генриха с его братьями и сестрами, Изабелла тем не менее родила еще нескольких мальчиков и девочек — девятерых, если быть точным, — во втором браке. В родном графстве Пуату, часть территорий которого была занята французами, перспективы у этих юношей и девушек были незавидными. Генрих без колебаний пригласил пятерых из них пересечь Ла-Манш и воспользоваться всем, что он был в состоянии им дать. Особо благоволил Генрих к двум из своих единоутробных братьев — Эмеру и Уильяму де Валенсам. Первого избрали епископом Винчестера по настоянию Генриха (причем вопреки серьезному сопротивлению, поскольку Эмер был необразован, да к тому же ему еще не исполнилось и двадцати). Уильяма же король ввел в высшие круги светского общества, одарив

его землями с денежным содержанием и организовав женитьбу на наследнице состоятельного рода. Предложены были деньги и двум другим единоутробным братьям короля — Ги и Джефри де Лузиньянам, а также их сестре Алисе, которую Генрих выдал замуж за будущего графа Суррея⁵¹.

Возвышая Лузиньянов (а единоутробные родственники короля стали известны именно под этим именем), Генрих сам себя обрекал на крупные неприятности. И дело тут не только в чрезмерной щедрости короля — такая расточительность Генриха привела к прямому столкновению его собственной родни и родни его супруги в борьбе за королевские милости, положив начало жестокому соперничеству, ни оценить которое, ни контролировать король оказался не в состоянии. Оно уже успело привести к печально известному инциденту 1252 года, когда Эмер с братом повздорили с архиепископом Бонифацием, устроив набег на два его имения и избив нескольких слуг. К насилию Лузиньяны прибегали с той же чрезмерной легкостью, с какой король готов был их за него прощать. Генрих питал слепое обожание ко всей своей родне, но все же особо выделял двух единоутробных братьев. Именно они больше, чем кто бы то ни было еще, помогли ему в подавлении гасконского мятежа, так что в Англию король вернулся с твердым намерением возвысить их за это и вознаградить⁵².

Вот почему Эдуард относился к Лузиньянам чрезвычайно настороженно, угадывая в их жадном стремлении умножить свои поместья серьезную опасность для недавно созданной сети своих владений⁵³. И в то же время успешного обзавестись многочисленной конной свитой юного лорда явно притягивал исходивший от его дядьев пьянящий аромат насилия. Теперь перенесемся в июнь 1256 года: Эдуард, которому через две недели исполнится семнадцать, участвует в своем первом турнире. Он был устроен в честь юного лорда в Блайте, что в Ноттингемшире, и наверняка потребовал некоторых уговоров — Генрих III не одобрял турниров и почти всегда стремился их запретить. Как пишет Матвей Парижский, турнир в Блайте было посвящением Эдуарда в «законы рыцарства». Принц уже успел стать уверенным наездником и искусно обращался с оружием, так что теперь ему нужен был турнир, чтобы пустить в ход все эти умения, продемонстрировать свои доблесть с отвагой и

освоить премудрости искусства войны. Турниры XIII столетия имели очень мало общего с ристалищами позднего Средневековья, где главный акцент ставился на развлечениях и индивидуальных схватках. Подобные зрелища набирали популярность и в дни Эдуарда, но турниры по большей части оставались тем же, чем были всегда, — потешными сражениями. Два отряда выходили на большое поле и старались обхитрить и пленить друг друга, как и в настоящем сражении. Эти турниры походили на современные «войнушки» в целях тимбилдинга, но только были куда опаснее. Даже несмотря на доспехи, в которые облачались все участники, и тупое оружие, оставался немалый риск получить серьезное увечье, а то и еще более печального исхода. Эдуард, судя по всему, закончил свой первый турнир невредимым (его, несомненно, оберегали, как наследника престола), но остальным повезло меньше. Матвей Парижский сообщает, что многие участники были жестоко изранены, и замечает, что к Рождеству некоторые скончались⁵⁴.

Из Ноттингемшира новоиспеченный рыцарь со свитой отправился на север, чтобы продолжить свои приключения в Шотландии. Его интересовали не поместья, поскольку землями там, в отличие от Уэльса или Ирландии, он не владел. Шотландия была самостоятельным королевством, признанным и королями Англии. Это был не столько дипломатический, сколько светский визит. Пять лет тому назад младшая сестра Эдуарда, Маргарита, вышла замуж за Александра III, короля шотландцев. Тогда они еще были детьми (жениху исполнилось десять, невесте — одиннадцать, а ее старшему брату — двенадцать), ко времени же путешествия Эдуарда они уже достигли расцвета юности. Хотя нельзя утверждать наверняка, но похоже, что в поездку на север Эдуард взял и Элеонору, а сестру он решил посетить прежде всего затем, чтобы познакомить ее со своей женой. Путешествие продлилось всего несколько недель, и нам практически ничего о нем неизвестно, за исключением наталкивающего на некоторые размышления посещения Эдуардом Уиторна на юго-западе Шотландии. Привлечь его в эти края могла лишь часовня святого Ниниана, так что вполне возможно, что молодожены прибыли сюда как паломники⁵⁵.

Какой бы краткой и туманной ни была эта поездка, она позволяет указать на важный факт достаточно тесного общения английских

и шотландских королей в XIII столетии. Англичане не считали своих северных соседей равными себе, причем вполне справедливо — Шотландия была гораздо беднее и малонаселеннее, а ее короли не столь могущественны. Выдавая свою дочь в 1251 году замуж, Генрих III в очередной раз подчеркнул это, устроив в Йорке неслыханную по роскоши свадебную церемонию. Приготовления начались за полгода до торжества, а припасы свозили со всей Англии и даже континента. (Эдуард и сам поучаствовал в этом спектакле, облаченный с ног до головы в золото, как и сопровождающие его рыцари.)⁵⁶ Генрих в ту пору еще не потерял надежды отправиться в Крестовый поход и хотел до своего отплытия ошеломить (из самых лучших побуждений) новоиспеченного десятилетнего зятя непревзойденным могуществом английской короны. Как бы то ни было, сам факт этой свадьбы подтвердил, что шотландские короли были частью цивилизованного клуба европейских монархов. Они и их знать демонстрировали свое право на место в нем общением на французском языке. Население же шотландских городов, особенно в Лоулендсе, разговаривало преимущественно на английском. Во многих важнейших аспектах Шотландия была очень похожа на Англию⁵⁷.

Следующий пункт путешествия Эдуарда в 1256 году разительно отличался от первого. Из Уиторна он направился на юг и в середине июля прибыл в поместье Честер, откуда выехал в Уэльс. В географическом отношении Шотландия и Уэльс были весьма схожи, что сразу бросалось в глаза приехавшему сюда впервые восхищенному путнику, а это значит, что и в экономическом плане они были близки. Уэльс, как и Шотландия, по сравнению с Англией был беден, зато в культурном отношении он отличался сразу от обоих своих соседей. Самым, пожалуй, очевидным отличием было то, что валлийцы разговаривали на валлийском, в том числе и знать. Для местных жителей это было предметом гордости, а вот франкоязычным королям и аристократам Англии и Шотландии речь местных казалась невразумительной тарабарщиной⁵⁸.

Но еще непонятнее и гораздо запутаннее для английских и шотландских наблюдателей было валлийское общественное устройство, радикально непохожее на их собственное. Взять, например, законы о наследовании. В Англии и Шотландии, как и во всей Западной Европе, царствовал майорат — перворожденные сыновья наследовали

все земли в полном объеме. Такая система обездоливала младших братьев и сестер, но имела одно огромное преимущество — родовые земли в целостности переходили из поколения в поколение. В Уэльсе же, напротив, в ходу была делимость: каждый член семьи мужского рода — и не только сыновья и братья, но и дяди с племянниками — ждал своей части наследства, а очередность получения наследства была прописана в законах чрезвычайно расплывчато. Это означало, что за смертью валлийского землевладельца почти всегда следовала жестокая и нередко братоубийственная схватка, в которой каждый наследник мужского пола пытался урвать себе львиную долю наследства⁵⁹.

В результате столь спорного подхода к наследованию вся валлийская политика сводилась к шумным распрям. А то, что этот принцип делимости пронизывал все общество до высших кругов включительно, стало одной из основных причин отсутствия в Уэльсе единого центра политической власти, как в Англии или Шотландии. Из стихов валлийских поэтов могло показаться, будто их страна состоит из трех отдельных государств, но это было чрезмерным упрощением — Уэльс представлял собой сложную мозаику из крошечных уделов. Иной правитель мог силой оружия и дипломатии — или же просто благодаря счастливой случайности — суметь достичь чего-то более значительного, но лишь на некоторое время. Как только такой преуспевший вождь умирал, неизбежно вспыхивал новый дележ и пускал все его труды насмарку⁶⁰.

Из-за столь серьезных культурных и политических различий вести дела с валлийцами англичанам было гораздо сложнее, чем, например, с теми же шотландцами. Постоянная нестабильность серьезно осложняла поддержание дружественных отношений. Король Англии мог отдать свою дочь в жены королю шотландцев с уверенностью, что никто не посягнет на ее права, но никогда не согласился бы сделать своим зятем валлийского правителя, сколь бы велик тот ни был, — кто знал, какой век отпущен этому величию?⁶¹

И хотя эта практика делимости раздражала англичан, гораздо серьезнее они взволновались, когда валлийцы начали от нее отказываться. С начала XIII столетия и до самого рождения Эдуарда в Англии все сильнее опасались постепенного движения к панваллийскому политическому единству. Гвинед, самое далекое и наибо-

лее традиционное из трех древних валлийских «королевств», распространило свое влияние от гор Сноудонии практически на всю остальную территорию страны. И когда в 1240 году Лливелин Великий, главный вдохновитель этого процесса, умер, Генрих III немедленно вмешался, чтобы свести на нет плоды его трудов. В последующие годы Гвинед резко сократился в размерах, утратив все свои претензии на лидерство. Потомков Лливелина силой убедили следовать традиционной валлийской практике и впредь делить власть между собой. Менее влиятельных валлийских лордов, признавших было первенство Лливелина, образумили и заставили объявить своим верховным лордом не кого иного, как короля Англии. Наиболее последовательно Генрих отчуждал и прибирал к рукам земли обширной и сравнительно зажиточной северной области Уэльса. Известный как Перфеддвлад (срединные земли) среди уэльсцев и как Четыре кантрефа у англичан, этот расположенный в междуречье Ди и Конуи регион сотни лет оспаривался обеими сторонами, а Генрих твердо решил, что отныне он станет принадлежать Англии. Четыре кантрефа, объявил он, являются неотъемлемой частью земель английской короны, и, дабы подкрепить свое заявление, воздвиг два новых королевских замка — в Дайзерте и Деганви. Требования к лордам региона стали ужесточаться. Базировавшиеся в Честере королевские чиновники начали внедрять английские обычаи и практики, включая и более жесткие финансовые требования. В 1254 году, когда Четыре кантрефа (их называли «новые завоевания короля в Уэльсе») были переданы Эдуарду в числе прочего наследства, строительство замков уже завершилось, а процесс англификации уверенно набирал обороты. Во время состоявшегося два года спустя визита Эдуарда местные чиновники были абсолютно уверены в себе. Хронист пишет, что главный управляющий открыто похвалялся перед королем и королевой, что валлийцы находятся в полной его власти⁶².

В Уэльсе, как и в Шотландии, Эдуард пробыл недолго и в начале августа уже вернулся в Честер, а к концу лета — в Лондон. Там в это время пребывал его отец в компании множества других знатных лордов. Город, пишет Матвей Парижский, был богато украшен в честь их приезда. 29 августа в Вестминстере устроили большой пир. Приступовали король с королевой и все их дети — приехала даже Мар-

гарита со своим супругом, королем Александром, завершая краткий визит в Англию. В ту пору королевская семья еще могла встать единым фронтом, когда того требовали обстоятельства⁶³.

Однако напряжение в семье росло, а серьезных противоречий становилось все больше. Борьба за власть между Эдуардом и Генрихом не ослабевала. Так, Эдуард начал втайне от отца вмешиваться в городские дела Бордо. Спустя пару недель после торжества в Вестминстере он заключил тайный договор с одной из действовавших в городе партий, предпочтя ее другой и подрывая тем самым попытки отца примирить враждующие стороны. Хуже того, распря отца с сыном становилась причиной еще более серьезных проблем. Жажда власти подталкивала Эдуарда к безответственным выходкам и раздуванию крупных скандалов в масштабах всей страны. Матвей Парижский приводит один такой случай, который часто упоминается в современных книгах по истории: выехав однажды со своей разбойничьей свитой, Эдуард повздорил со встречным юношей и велел казнить его без каких-либо на то серьезных оснований. История кажется весьма туманной, не упоминаются конкретные имена или место действия, так что ее с известной долей снисходительности можно отнести к чересчур раздутым слухам. Однако есть множество вполне достоверных историй о скверном поведении слуг Эдуарда в ту пору, а некоторые из них подкреплены и административными отчетами по причиненному ущербу⁶⁴.

Генрих тем временем продолжал демонстрировать свойственную ему безответственность, воздерживаясь от действий там, где это было необходимо. Он, конечно же, не сумел справиться с выходками сына, как и не смог усмирить своих буйных единоутробных братьев-Лузиньянов. Но и это еще не все. Прошло уже больше шести лет с того дня, как король дал обет отправиться в Крестовый поход, и больше четырех после того, как он пообещал самым рьяным крестоносцам, что поход начнется не позднее дня летнего солнцестояния 1256 года. Выходит, Генриха и тут ждал публичный провал. Назначенная дата прошла, а никакой подготовки к походу не начиналось: весь накопленный для путешествия на Восток золотой запас король потратил на спасение Гаскони. Не сказать, чтобы это сдерживало Генриха, чья неспособность предпринимать нужные действия уступала лишь его же склонности лично ввязываться в безрассудные за-

Король великий и ужасный

теи. Несмотря на свою нерешительность, король как раз взялся за очередную затею, решив усадить своего младшего сына Эдмунда на трон Сицилии. Папа римский, который и предложил идею королю, заверил Генриха, что это вполне приемлемая альтернатива путешествию в Святую землю. Английские подданные Генриха, однако, думали иначе: парламент категорически отказался финансировать эту нелепую авантюру. Не сумев уговорить подданных, король стал требовать все больше и больше денег от шерифов, судей и лесничих. С каждым днем его правительство вело себя все жестче и все стремительнее теряло популярность в стране⁶⁵.

Ну и наконец, была еще и королева. Элеоноре Прованской исполнилось уже тридцать три, то есть она находилась точно посередине между своим подростком-сыном и приближающимся к пятидесятилетию королем. Превосходя зрелостью Эдуарда и энергичностью супруга-короля, Элеонора во многих отношениях была ничуть не менее безответственна, чем они оба. Жесткая и взыскательная землевладелица, она не проявляла сочувствия к страждущим англичанам, оплачивая им за недостаток любви, что испытывала с самого начала своего пребывания в Англии. Та беззащитная девушка исчезла, а ее место заняла взрослая женщина в окружении мощной сети приезжих савояров. Вот перед ними — своими людьми — королева чувствовала ответственность и видела в происходящем угрозу своему положению. Муж благоволил своим единоутробным братьям, ненавистным ей, а сын с каждым днем все сильнее отбивался от рук. Эдуард с самого своего рождения был источником всей ее власти и влияния. Чем сильнее он удалялся от матери, тем крепче она стремилась стиснуть свои объятия⁶⁶.